ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 25 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1916 16 ІЮНЯ

ВОЖДИ.

„Въ Берлинѣ были демонстраціи и безпорядки по поводу суда надъ Либкнехтомъ и обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Внутри Германіи замѣчается полное разложеніе.“ *(Изъ газетъ.)*

Рис. Ре-ми.

У резиденціи Вильгельма.

Шуцманъ: — Я тебя отпущу, если ты громовымъ „hoch“ будешь привѣтствовать нашего великаго кайзера.

У тюрьмы Либкнехта.

Шуцманы: — Мы васъ не отпустимъ, если вы будете привѣтствовать Либкнехта.

Рис. А. Радакова.

ТАЙНА.

Одинъ молчалъ. Другой молчалъ.
Въ окно стучался холодъ.
Одинъ шагами мѣрялъ залъ.
Онъ былъ уже не молодъ.

Другой сидѣлъ и слушалъ стонъ:
Въ ночи металась вьюга.
Онъ былъ смущенъ и утомленъ.
Онъ былъ моложе друга.

Одинъ сказалъ: пора идти.
И взялъ ружье и шляпу.
Другой котенку по пути
Пожалъ печально лапу.

И оба вышли. Черный лѣсъ
Дохнулъ сырымъ провалюмъ.
Огонь... И крикнулъ, и исчезъ
Казавшійся усталымъ.

Другой вернулся въ темный залъ,
И постоялъ, и вышелъ.
Стоналъ ночь... Котенокъ спалъ
И ничего не слышалъ.

Ал. Вознесенскій.

БАНКИРЪ САШКА.

Изъ глубокой провинціи пріѣхалъ по своимъ дѣламъ въ столицу немолодой, но тѣмъ не менѣе честный человѣкъ.

Въ глубокой провинціи еще встрѣчаются такіе типы.

Пошелъ онъ гулять по Невскому, удивляясь великолѣпію столицы, элегантности дамскихъ туалетовъ и дороговизнѣ извозчичьей таксы.

Возлѣ одного дома провинціалъ остановился, пораженный какъ грандіозностью постройки, такъ и обиліемъ стилей различныхъ эпохъ.

Первый этажъ былъ построенъ въ строгомъ стилѣ нестрогой Эллады.

Второй этажъ былъ построенъ въ норвежскомъ стилѣ; третій — въ итальянскомъ; четвертый — въ мавританскомъ; пятый въ древне-египетскомъ.

Шестой и послѣдній этажъ были построены въ строго выдержанномъ филистимлянскомъ стилѣ.

Съ изумленіемъ осматривалъ домъ ошеломленный провинціалъ.

Наконецъ, онъ не выдержалъ, остановилъ прохожаго и спросилъ его:

— Кто этотъ богачъ, который для постройки своего дома выписалъ архитекторовъ изъ древней Греціи, Италіи, Египта и даже изъ земли филистимлянской?

Прохожій внушительно отвѣтилъ:

— Этотъ домъ — банкъ и принадлежитъ онъ владѣльцу его, банкиру Сашкѣ.

Пошелъ дальше провинціалъ, думая о богатствѣ выше названнаго банкира.

На одномъ углу онъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ громадная толпа преградила ему дорогу.

Толпа стояла съ поднятыми вверхъ головами. Глаза ихъ при этомъ были жадно устремлены на красовавшійся въ окнѣ плакатъ.

Тихонько провинціалъ тронулъ за рукавъ стоявшаго рядомъ съ нимъ солидныхъ лѣтъ человѣка и спросилъ:

— На что они всѣ смотрятъ?

Спрошенный нетерпѣливо отвѣтилъ:

— Тутъ редакція самой распространенной въ городѣ газеты. Телеграммы читаемъ.

— Самая распространенная газета... А кому она принадлежитъ?

— Вы не знаете? — съ своей стороны удивился спрошенный. — У насъ маленькій ребенокъ знаетъ, что она принадлежитъ банкиру Сашкѣ.

Покачалъ головой бѣдный провинціалъ. Пошелъ онъ дальше, думая:

— Дастъ же небо одному человѣку такъ много въ ущербъ другимъ.

Шелъ онъ, такъ размышляя, долго шелъ, пока не понадобилось ему перейти черезъ улицу.

Лавировалъ онъ между экипажами довольно искусно и былъ уже почти на противоположной сторонѣ, какъ вдругъ изъ-за угла вылетѣлъ автомобиль, до того шикарный, что трудно было не обратить на него вниманія.

Въ автомобилѣ сидѣла толстая, обвѣшанная драгоцѣнностями женщина.

Жирные бѣлые пальцы были усыпаны кольцами и браслетами.

На толстыхъ ногахъ красовались сторублевыя ботинки.

Шляпу съ діаметромъ въ два аршина покрыли желтыя, черныя и бѣлыя страусовыя перья.

Казалось, что три или четыре страуса сѣли случайно на шляпу сидящей въ автомобилѣ дамы и бросились въ бѣгство, оставивъ на шляпѣ свои хвосты.

Зазѣвался провинціалъ и не замѣтилъ, какъ шикарный автомобиль подъѣхалъ къ нему вплотную.

Бросился въ сторону провинціалъ, но не успѣлъ отскочить во-время. Автомобиль задѣлъ его слегка и хотя не раздавилъ, но отбросилъ его въ сторону со значительной силой.

Поднялся съ земли провинціалъ и, счищая грязь съ платья, спросилъ:

— Чей это автомобиль?

Какой-то прохожій презрительно посмотрѣлъ на провинціала и съ усмѣшкой отвѣтилъ:

— Это автомобиль банкира Сашки.

— Въ автомобилѣ была его супруга?

Рис. Б. Григорьева.

УДАЧЛИВАЯ.

— Вчера кутила съ землякомъ, третьяго дня кутила съ землякомъ, сегодня буду кутить съ землякомъ. — Мнѣ везетъ.
— А ты откуда сама-то?!
— Я здѣшняя, петроградская.

Рис. Миссъ.

ЛѢТНЯЯ БОЛѢЗНЬ.

— Верхи пропали.
— У тебя?
— Если бы у меня! А то у антрепренера: галерка пуста.

— Нѣтъ, его «пассія»... Она каждый день въ это время здѣсь катается.

Преисполнился почтенія къ вышеназванному банкиру провинціалъ и съ благоговѣніемъ подумалъ:

«Сколь счастливъ долженъ быть этотъ человѣкъ! Ему принадлежатъ самый стильный домъ въ городѣ, самая распространенная газета и самая толстая женщина».

Подумалъ онъ о своемъ скромномъ положеніи, и уныніе закралось въ его душу.

«Несправедливо ты, небо, къ людямъ! — думалъ онъ съ укоризной. — Одному много даешь, другому ничего».

Вдругъ его мысли прервалъ какой-то шумъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ какую-то странную сцену.

У подъѣзда богатаго особняка стоялъ чернаго цвѣта автомобиль.

По направленію къ автомобилю шелъ великолѣпно одѣтый господинъ. По обѣимъ сторонамъ его шли двое городовыхъ.

Довольно большая толпа стояла у подъѣзда и тихо перешептывалась:

— Такъ скоро... Въ одинъ день допросили.
— И арестовали?
— Какъ видите...
— Видно не мало нажульничалъ...
— Работалъ, не стѣсняясь...
— И попался...

Провинціалъ подошелъ къ одному изъ толпы и нерѣшительно задалъ ему вопросъ:

— Кого это арестовали?

И услышалъ въ отвѣтъ:

— Банкира Сашку...

Оторопѣлъ бѣдный провинціалъ, а когда пришелъ въ себя, расхохотался.

Съ тѣхъ поръ онъ больше не завидовалъ никому и не ропталъ больше на небо.

О. Л. Д'оръ.

ПУСТЬ.

Надо сломать водосточныя трубы
И сдѣлать изъ нихъ барабаны.
Ангелы, у всѣхъ небесныхъ кубовъ
Откройте мѣдные краны!
Облачныхъ гроздій цѣлебные соки,
Услышьте барабанный зовъ, —
Пусть хлещутъ, и свищутъ, и бурлятъ потоки,
Пусть купаются стѣны домовъ.
Надо сорвать желѣзныя крыши
И разсыпать по улицамъ громъ.
Тѣ, кто внутри, проснутся, услышатъ
И подумаютъ, что рушится домъ.
Надо окна раскрыть и вырвать рамы —
Пусть бьетъ холодный душъ, —
Пусть возникаютъ невоплощенные храмы
Для воплощенныхъ душъ.

Лидія Лѣсная.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Въ Луна-Паркѣ А. Брянскій поставилъ оперетку: „Королева Кино". Сюжетъ оперетки высокохристіанскій — нанесеніе ущерба врагу рода человѣческаго. Ибо въ такомъ сюжетѣ самъ чортъ ногу сломаетъ, стараясь понять что-нибудь.

Такъ ему, чорту, и надо: не разбирайся въ опереточныхъ сюжетахъ. Мы же вотъ не разбираемся...

Кто то что-то говорилъ, кто-то пѣлъ, — были и такіе, которые плясали. Разныя были комбинаціи: когда пѣли и плясали, когда плясали и говорили. Вотъ и весь сюжетъ.

А впрочемъ — въ этомъ ли дѣло?

Шувалова была нарядна, обаятельно-изящна, Монаховъ игралъ и даже пѣлъ — чудесно, такъ пѣлъ (третій актъ), что изъ-за этого одного можно пойти на „Королеву Кино". Кошевскій игралъ, танцовалъ и, вообще, веселился, легко и радостно, какъ дитя, и вся эта веселая пестрая опереточная постройка была увѣнчана г. Брянскимъ, щегольнувшимъ очень милой не банальной постановкой.

Его вызывали; просто такъ — безо всякой повѣстки вызывали.

* * *

Присяжный повѣренный Бобрищевъ-Пушкинъ написалъ для „Буффа" оперетку „Ихъ невинность".

Но если вслушаться въ либретто, то можно признать ихъ виновность — и даже безо всякаго снисхожденія.

Ну можно ли сочинять такіе стихи:

„Нѣтъ кота, кота въ дому,
Ходятъ мыши по столу,
И кадрили легкій плясъ
Утѣшаетъ насъ заразъ".

Кого утѣшаетъ, а кого и не утѣшаетъ.

Одинъ человѣкъ въ этой опереткѣ поетъ:

„Ахъ, что за ручки! Я полонъ огня...
Вѣчно, о вѣчно чешите меня.

Не лучше ли купить какого-нибудь порошку, чѣмъ задавать Зброжекъ-Пашковской такую утомительную и не совсѣмъ пріятную работу.

Мнѣ объяснили, что авторъ хотѣлъ сказать не „чешите", а причесывайте".

Хотѣлъ! Однако, не сказалъ.

* * *

Дикари.

Пишущій эти строки самъ слышалъ у кассы зоологическаго сада:

— Вань-а-Вань! Чего нынче представляютъ?

— „Жрица огня" будетъ.

— Безпримѣнно пойду. Очень интересно, какъ это она огонь жрать будетъ.

Т. К.

МЫСЛИ ВЪ БЕЗСОННУЮ НОЧЬ.

Если бъ земля сразу остановилась въ своемъ вращеніи— никто изъ администраторовъ не удержался бы на своемъ посту.

— Музыка возвышаетъ человѣка! — сказалъ шарманщикъ, сгибаясь подъ тяжестью шарманки.

Исидоръ Гуревичъ.

УДУШЬЕ.

1.

Въ годы студенчества, когда приходилось жить на четвертной билетъ въ мѣсяцъ, дорогъ былъ каждый пятакъ. Зимой смеркается рано, и бѣлье изъ прачешной уносишь, бывало, самъ; но весною прачешная закрывается засвѣтло, стыдно самому нести пакетъ съ бѣльемъ по улицамъ и просишь прислать бѣлье на квартиру. Приноситъ маленькая дѣвочка. На чай ей даешь не деньги, а апельсинъ. Ребенку пріятно полакомиться, а тебѣ выгодно: вѣдь тогда хорошій апельсинъ стоилъ четыре копейки.

А теперь...

Принесла дѣвочка бѣлье, а у меня на столѣ — апельсинъ; она жадно посмотрѣла на него. Мелькнула мысль: «Дамъ ей апельсинъ». — Но... но предпочелъ дать полтинникъ.

2.

Купилъ въ кассѣ театра билеты; захотѣлось обрадовать друзей: билеты, молъ, въ карманѣ. Подхожу къ телефонной будкѣ. Сочный, розовый лакей съ бритой, наглой физіономіей распахнулъ передо мною дверь будки. Я обрадовалъ друзей и, уходя, рѣшилъ обрадовать лакея: далъ ему двадцатикопеечную марку.

— Помилуйте, теперь такъ не даютъ на чай. Я не могу принять столько...

Я взглянулъ на него. Онъ презрительно улыбался.

— Принципіально не берете? — спросилъ я его съ нехорошей улыбкой.

Онъ, видимо, не понялъ слово принципіально и дерзко сказалъ:

— Заговоръ зубовъ...

Бѣшено, съ отвращеньемъ швырнулъ я ему трехрублевку.

Онъ ловко поймалъ ее, зажалъ въ рукѣ и отвернулся.

3.

На Невскомъ передъ посыльнымъ стоялъ господинъ въ цилиндрѣ и, плача, просилъ его о чемъ-то.

Я взглянулъ на посыльнаго и зашатался... Лицо его лоснилось отъ хищности, надменности, наглости...

Господинъ лепеталъ что-то и совалъ въ руки посыльному письмо. А тотъ не бралъ письма и тупо повторялъ:

— Сто двадцать, сто двадцать...

«Что это, номеръ дома, или... или 120 рублей за доставку письма? Едва ли это номеръ дома, едва ли...» — съ ужасомъ подумалъ я и почувствовалъ приступъ удушья...

В. Черній.

СОФІЯ.

I.

Русь бредетъ въ Царьградъ изъ Кіева,
Страдны думы у Руси:
«Злобенъ ворогъ... Отъ руки его,
Спасе тихій, упаси.
Крѣпь Софію пресвятую, —
Обрѣту и возликую».

II.

Русь бредетъ, молчитъ, обижена,
Сколько денъ не спитъ, не ѣстъ.
Многотрудная верижина,
На груди желѣзный крестъ,
Посошекъ въ рукѣ слѣпецкій...
Далеко ли край турецкій?

III.

Отъ Царьграда въ разны стороны,
Такъ, что солнцевъ ликъ погасъ,
Возшумѣли тучей вороны.
Притупились въ судный часъ
Полумѣсяцевы жала —
Сила вражія бѣжала.

IV.

Тамъ икона старописная
Проступила на стѣнѣ,
Древо Божье, кипарисное,
Не затлѣвшее въ огнѣ,
Источило потъ кровавый,
И явились въ небѣ главы.

V.

Русь могутная, кановая,
Ты прости врагу вину...
Надъ тобою зори новыя —
Вѣковому вѣрю сну —
Просіяетъ въ край изъ края
Крѣпь — Софія пресвятая.

Александръ Рославлевъ.

Рис. А. Ю.

Рис. А. Р.

КАЛИФОРНІЯ БЕЗЪ ЗОЛОТА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Когда первые золотоискатели наткнулись на Калифорнію — они буквально купались въ золотѣ. Вторая волна золотоискателей — болѣе многочисленная — ходила уже только по колѣна въ золотыхъ струяхъ, третья — могла еле омочить пятки, а четвертая, пятая, шестая какъ нахлынула на сухой облѣзшій, когда-то столь густо позолоченный берегъ — такъ ни съ чѣмъ и отхлынула: рѣдкому счастливцу послѣ долгихъ поисковъ попадался золотой слитокъ, довольно ясно видимый подъ микроскопомъ.

Кто, какой піонеръ, какой первый золотоискатель открылъ Выборгъ — этотъ золотой пріискъ, гдѣ можно купить любую вещь дешевле грибовъ — неизвѣстно. Можетъ быть, оно раньше такъ и было — мнѣ о томъ невѣдомо. Но вслѣдъ за первымъ золотоискателемъ изъ Петрограда хлынулъ цѣлый потокъ новыхъ золотоискателей — вотъ теперь они и бродятъ по унылымъ опустѣвшимъ магазинамъ Выборга — съ видомъ усталыхъ рудокоповъ, изрывшихъ цѣлыя десятины, намывшихъ цѣлыя горы земли и извлекшихъ изъ ея нѣдръ одну только пару, подозрительнаго вида, чулковъ за десять марокъ.

* * *

Компанія измученныхъ петроградцевъ съ остолбенѣлымъ видомъ останавливается передъ витриной крохотной выборгской лавченки и испускаетъ рядъ отрывистыхъ восклицаній:

— Ого! Ботинки.

— Да. И какъ дешево. 50 марокъ.

— А въ Петроградѣ за такія слупили бы рублей 25.

— Сколько это марокъ вышло бы?

— 25 рублей? Пятьдесятъ четыре съ половиной марки.

— Ну, вотъ видите! На цѣлыхъ четыре съ половиной марки дешевле.

— Зайдемъ, купимъ.

— Да мнѣ такихъ не нужно. Я такихъ не ношу.

— Ну, вотъ еще какія тонкости! Дешево, такъ и бери. Вваливаются въ магазинчикъ.

— Покажите намъ вотъ эти ботинки... Что? Послѣдняя пара? Ну, вотъ, видишь: я тебѣ говорилъ — покупай скорѣй. Гм! Послѣдняя пара: вотъ что значитъ дешевка. Ну-ка, примѣрь.

— Гм... Вззз... ой!

— Что? Тѣсноваты? Ну, ничего — разносятся. Заверните ему. Плати. Пойдемъ.

— Да я, собственно, такой фасонъ не ношу...

— Но вѣдь дешевы!

— Дешевы-то они дешевы. Жаль только, что тѣсноваты.

— А зато на четыре съ половиной марки дешевле.

— Дешевле-то они дешевле.

— То-то и оно. Бери, пойдемъ. А это что — смотрика... Магазинъ рамочекъ. Для чего эти рамочки?

— Для чего-нибудь да нужны. Зря продавать не будутъ. И какъ дешево — голубенькая, а семь марокъ стоитъ. Зайдемъ, купимъ.

Входитъ всего четверо, но лавочка такъ мала, будто вошли сто.

— Слушайте: для чего эти рамочки, что вы продаете?

— Ля картина...

— Для картинъ, значитъ, — переводитъ одинъ, очевидно, тонкій знатокъ финскаго языка.

— А черезъ границу провезти ихъ можно?

— Та, мосна.

— Я знаю, что таможня, такъ я вотъ и спрашиваю...

— Ты его не понялъ, — торопливо поправляетъ переводчикъ. — Онъ говоритъ, что можно. Но, вѣроятно, спрятать нужно, да?

— Та, мосна.

— Спрятать. Мы ихъ подъ костюмъ спрячемъ, въ чемоданъ. Знаешь, я возьму пять штукъ.

— И я три. Почемъ онѣ?

— По восьми марокъ.

— А въ Петроградѣ я такія по два рубля видѣлъ.

— Да ужъ тамъ сдерутъ. Тамъ могутъ. Россія.

— А тебѣ для чего эти рамки?

— Да придумаю. Сейчасъ не нужны, послѣ понадобятся. Вставлю что-нибудь въ нихъ.

— Заплатили? Пойдемъ. Ну, что тебѣ еще нужно?

— Да такъ, собственно говоря, ничего...

— А ты вспомни!

— Ей Богу ничего.

— Чулки не нужны ли?

— Чулки? — мямлитъ вялый петроградецъ. — Собственно говоря...

— Ну вотъ видишь! Вотъ тебѣ и чулочный магазинъ. Здравствуйте. Есть чулки?

— Нѣту. Се родано.

— Ну, что вы! Намъ всего нѣсколько паръ. Поищите. Можетъ, найдется.

— Тамская есть чулки.

— Дамскіе?.. Гм! А, ну покажите.

— Послушай... да зачѣмъ же мнѣ дамскіе.

— Вотъ чудакъ! Дешево вѣдь. Бери — теплѣе еще, чѣмъ носки. До самаго колѣна. Бери ты три пары и я три пары.

— Сести пара нѣту. Сетыри пара есть сего.

— Нѣту шести паръ. Ну, давайте четыре. А остальныя двѣ пары можно чѣмъ-нибудь другимъ добрать. Вотъ эту штуку дайте.

— Не, эта не родается. На эта стука сляпа надѣвается. Для окна. На выставка.

— Дѣйствительно, слушай... Ну, зачѣмъ тебѣ болванъ для шляпы. Къ чему онъ?

— А? Ну, нѣтъ, знаешь, не скажи. Это штука удобная. Придешь домой — куда положить шляпу? Ну, и надѣнешь ее на эту чертовину. А что у васъ еще есть?

— Нисего нѣту. Се родано.

— Русскіе все, чортъ ихъ дери. Пронюхали — и сразу все расхватали. А это что за кошка? Почемъ?

— Это наса коска. Сивой.

— Живая? А чего жъ она лежитъ, какъ искуственная. Только покупателей зря смущаетъ...

— Пойдемъ, господа.

— Вотъ драма такъ драма... Пріѣхали въ Выборгъ, а купить нечего. А вотъ магазинчикъ какой-то, зайдемъ. Что здѣсь продается?

— Чортъ его... не разберешь. Витрина пустая. Войдемъ на всякій случай.

— Здравствуйте... Гм... Какіе-то рабочіе, а товару не видно. Что вы тутъ дѣлаете, братцы? Это магазинъ?

— Та. Тольки сицасъ есцо магазина нѣту. Акроица тая недѣля.

— На той недѣлѣ? А что тутъ будутъ продавать?

— Вѣтоцна магазинъ.

— Цвѣточный? Ну, ладно. Если еще пріѣдемъ — зайдемъ, купимъ. Смотри, какими хорошенькими обоями оклеиваютъ. Послушайте: почемъ обои?

— Вѣ марки кусокъ.

— Ну, продайте намъ вотъ эту пачку... Нельзя? Подумаешь важность... Почему нельзя? А ножницы продаются? Нѣтъ? Жалко; очень хорошенькія ножницы...

* * *

Номеръ гостиницы заваленъ коробками, свертками, пачками.

— Ты чего сопишь?

— Да вотъ хочу ботинки въ рукавъ пиджака засунуть. Боюсь, вдругъ въ Бѣлоостровѣ таможенные дощупаются.

— Если новые — конфискуютъ. А ты поцарапай подошвы — будто ношеные. Ношеные везти по закону можно.

Счастливый обладатель ботинокъ вытаскиваетъ перочинный ножикъ и приступаетъ къ работѣ. Зажимаетъ между колѣнъ подметкой кверху ботинокъ и начинаетъ царапать ножикомъ блестящій лакъ.

— Ну, что?

— Чортъ ихъ дери: все-таки, видно, что не ношеные, а просто поцарапанныя. Грязи на нихъ нѣту.

— А ты плюнь.

Владѣлецъ ботинокъ послушно плюетъ на подметку.

— Да нѣтъ, я тебѣ не въ томъ смыслѣ. Ну, да ужъ разъ плюнулъ, теперь разотри получше. Объ полъ повози.

— И чортъ ихъ знаетъ, почему у нихъ такіе полы чистые... Не мажется! Блеститъ себѣ и блеститъ.

— Ножемъ потыкай. Постой — дай, я.

— Ну, вотъ — обрадовался. Видишь — дырка.

— Ничего. Зато ужъ видно, что не новый. Оборви еще ушко ему, чорту. Тогда ужъ никто не придерется.

— Я лучше шнурокъ, будто, оборву. Все поспокойнѣе.

— Собственно, на кой чортъ ты ихъ взялъ? Фасонъ не модный, тѣсные, на боку дырка.

— Ты же самъ говорилъ...

— Мало, что я говорилъ... Вонъ ты мнѣ абажуръ ламповый посовѣтовалъ взять — на носъ я его себѣ надѣвать буду что ли, ежели у меня электричество.

— Сколько ты за него заплатилъ?

— Пятнадцать рублей на наши деньги.

— Вотъ видишь, а въ Петроградѣ за восемь цѣлковыхъ купишь — и возиться не надо, и прятать не надо.

— Гм... Дѣйствительно. Рамочки тоже... накупили! Обрадовались! Грубыя, аляповатыя.

— А ты еще въ другомъ магазинѣ докупилъ двѣ штуки — къ чему?

— Рамочки — что... Ихъ, въ крайнемъ случаѣ выбросить можно. А вотъ чулки дамскіе — это форменное идіотство. Ну, какъ я ихъ надѣвать буду?

— Обрѣжь верхушку — носки получатся.

— Носки... Ихъ еще подрубить нужно. Да и носки сколько стоятъ? Два цѣлковыхъ? А я по четыре съ полтиной за эту длиннѣйшую дрянь платилъ.

— Подари кому-нибудь.

— А ты найди мнѣ такую женскую ногу. Сюда три помѣстятся, Постой... Это еще что такое?

— Прессъ-папье изъ березовой коры.

— Боже, какая дрянь. Неужели, это мы купили?

— Мы. А въ этомъ пакетѣ что?

— Тоже рамочки. А это подставки для фруктовыхъ вазъ, банка гуммиарабика, лапландскій ножикъ, сигары...

— Мы вѣдь не куримъ...

— Что значитъ — не куримъ. Мы никого и не рѣжемъ, а лапландскій ножикъ купили. Мы и не бабы, а шелковое трико коротенькое купили. Дураки мы, вотъ кто мы.

— А это что?

— Этого ужъ я и самъ не знаю. Къ чему оно? Металлическій ящикъ, ручка, какіе-то колесики, задвижечка... Покупаешь, а даже не спросишь — что оно такое.

— Зато дешево. Тридцать двѣ марки.

— Дешево?.. А я тебѣ вотъ что скажу: эти сорочки здѣсь стоятъ пять рублей, а въ Петроградѣ — четыре, салфетки здѣсь десять рублей, въ Петроградѣ семь, а галстуки... Галстуки, вообще, ничего не стоятъ! Повѣситься можно на такомъ галстукѣ.

— Поѣхали, дѣйствительно! Обрадовались; накинулись.

— А тутъ еще съ таможней можетъ быть...

— Молчи, пока я тебя лапландскимъ ножикомъ не полоснулъ!!

Тяжелое настроеніе.

* * *

Поѣздки въ Выборгъ напоминаютъ мнѣ исторію съ Марьиной слободой въ городѣ К.

Была такая Марьина слобода, которая вдругъ прославилась тѣмъ, что живутъ тамъ самые трезвые мѣщане и самыя красивыя, добродѣтельныя дѣвушки и жены.

И когда пошла эта слава, то стала ѣздить туда публика — любоваться на трезвыхъ мѣщанъ и добродѣтельныхъ красавицъ... И чѣмъ дальше — тѣмъ больше ѣздило народу, потому что слава росла, ширилась, разливалась.

А когда мнѣ совсѣмъ прожужжали уши о знаменитой слободѣ, и я поѣхалъ туда — я увидѣлъ рядъ грязныхъ покосившихся домовъ, поломанные заборы, подъ каждымъ изъ которыхъ лежало по пьяному мѣщанину, а изъ домовъ неслись крики, хохотъ гостей, взвизгиваніе женщинъ, и звуки скрипки и разбитаго піанино: это добродѣтельныя дѣвушки и жены укрѣпляли славу своей удивительной слободы.

Ибо сказано — о Выборгѣ ли, о Марьиной слободѣ ли: черезчуръ большой успѣхъ — портитъ.

Аркадій Аверченко.

Рис. В. Лебедева.

БЛАГОРАЗУМНАЯ ГЕРМАНІЯ.

— Что нужно?

— Я — артистъ. Прошу дать разрѣшеніе на представленіе.

— А вы что дѣлаете?

— Шпаги глотаю.

— Съ ума вы сошли, что ли? Ни за что не разрѣшу. У насъ и такъ послѣднее время оружія не хватаетъ, а вы еще глотать его будете. Пошелъ вонъ!

ТВОРЧЕСТВО.

Двѣ сосны слѣва и справа,
Море синее плавится,
Полдень творитъ поэму.
Развѣ я не имѣю права,
Если мнѣ нравится,
Фантазировать на эту тему?
Цвѣли яблони млечно,
Летѣли пчелы на смородину,
Бѣжали волны отлого.
На берегу — красавица, конечно,
Такъ какъ выдумывать уродину
Нѣтъ смысла — уродинъ много.
Сюжетъ, можетъ быть, съ виду малъ,
Но путемъ вольнаго творчества
Иду, какъ всегда, смѣло,
И хотя я дѣвушку только что выдумалъ —
Она по волѣ ея высочества —
Музы моей — вышивать умѣла.
Пока плещутся у ея ногъ
Волны моря синяго,
Смѣясь едва внятно,
Пусть дѣвушка вышиваетъ платокъ,
Приказываю по праву сильнаго,
А для чего — будетъ понятно.
И вотъ у дѣвушки шелку нѣтъ...
Мнѣ такъ нравится.
У дѣвушки не хватаетъ нитокъ.
Это не важно — сейчасъ поэтъ
Милая моя красавица,
Тебѣ возмѣститъ убытокъ.
Послушай вздохи ароматной земли,
Отдохни среди маленькихъ розъ въ травѣ
Оставь на полчаса иголку —
Видишь парусъ бѣлый вдали?
Морякъ съ далекаго острова
Много везетъ шелку.
И вотъ встрѣча... Не зѣвай, морякъ!
Дѣвушка къ тебѣ на корабль отправится,
Романъ предрѣшенъ поэтомъ...
Что жъ такого? Мнѣ хочется такъ!
Такъ мнѣ нравится —
Упрекнетъ ли меня кто въ этомъ?

Валентинъ Горянскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Англичанинъ.

„Биржев. Вѣд." даютъ бывшему англійскому послу въ Петроградѣ сэру Артуру Никольсону очень симпатичную характеристику:

Въ молодости сэръ Артуръ Никольсонъ въ концѣ 80-хъ годовъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Аѳинахъ. Въ то время на возвышающейся надъ Аѳинами горѣ Ликабеттѣ находился скитъ, въ которомъ жилъ отшельникъ. Прогулки на вершинѣ этой горы были запрещены, и скитъ охранялся часовымъ эвзономъ.

Сэръ Артуръ Никольсонъ, не оповѣщенный, повидимому, о запрещеніи, отправился на прогулку на Ликабеттъ со своей супругой и былъ весьма въ грубой формѣ остановленъ означеннымъ часовымъ. Англійскій дипломатъ тотчасъ же заявилъ протестъ аѳинскому кабинету и потребовалъ удовлетворенія, въ видѣ помѣщенія въ офиціозной газетѣ извиненій греческаго правительства, а также и наказанія провинившагося эвзона.

Удовлетвореніе это, дѣйствительно, было ему дано. Но, одновременно, желая польстить общественному мнѣнію, тогдашній министръ-президентъ Трекуписъ помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ органовъ замѣтку, въ которой оправдывалъ образъ дѣйствій часового и нападалъ на Никольсона. Тогда послѣдній потребовалъ удовлетворенія въ слѣдующей формѣ.

На площади передъ королевскимъ дворцомъ была построена рота эвзоновъ, къ которой принадлежалъ часовой, со знаменемъ и оркестромъ музыки. Тутъ же собрались и всѣ министры, въ полной парадной формѣ. Явился Никольсонъ во главѣ всей англійской миссіи, такъ же въ мундирахъ. Министръ-президентъ и военный министръ принесли тутъ же на площади свои извиненія англійскому представителю. Военный оркестръ исполнилъ англійскій гимнъ, и провинившійся эвзонъ былъ тотчасъ же посаженъ подъ арестъ. Покойный король Георгъ любовался всей этой сценой изъ оконъ своего дворца.

Мы не очень жалуемъ дипломатовъ, но поведеніе сэра Артура Никольсона съ восхищеніемъ признаемъ истинно дипломатическимъ!

Реставрированный Гоголь.

Опытная режиссерская рука всегда замѣтна даже самому разсѣянному зрителю. Иногда эта опытная рука принимаетъ характеръ цѣлой оглобли.

Въ Кіевѣ шла пьеса „Тарасъ Бульба". Мѣстная вечерняя газета сообщаетъ нѣкоторыя детали постановки:

Любопытенъ финалъ пьесы: когда Тараса привязываютъ къ дереву, которое поджигаютъ, онъ, какъ и въ повѣсти, кричитъ вслѣдъ казакамъ, указывая мѣстонахожденіе челновъ.

Затѣмъ онъ вдругъ произноситъ: „Товариші, пріішліть хтонебудь козацького гостінця!". Раздается выстрѣлъ изъ-за кулисъ. Тарасъ поникаетъ головой и почти шопотомъ произноситъ „Хто?" Изъ-за кулисъ сдавленнымъ голосомъ доносится: „Товкачъ!". „Спасибі", заключаетъ Тарасъ и умираетъ.

Мы протестуемъ противъ такого урѣзаннаго конца. Гораздо веселѣе было бы, если бы Тарасъ, взмахнувъ чубомъ, запѣлъ предъ смертью злободневные куплеты на тему о мѣстной санитарной комиссіи, водопроводѣ и мостовой. Тѣмъ болѣе, что и для неизвѣстнаго Товкача нашлась бы своя работа.

— Хто?
— Товкачъ.
— Куме!
— Онъ самый!
— А не станцовать ли намъ, куме, гопака?
— А чи нѣтъ? Гопъ, мои гречаныки, гопъ, мои милы..

Знаменательное.

Газеты сообщаютъ, что греческій посланникъ въ Бухарестѣ г. Психъ за благоволеніе къ нѣмцамъ получаетъ высшее назначеніе.

Сообщеніе, какъ сообщеніе. Одно только примѣчательно въ этомъ сообщеніи: фамилія „посланника" — Психъ.

Такъ ему и надо.

Поднятіе шляпъ въ Греціи.

Офиціальное опроверженіе.

Греческая королевская миссія уполномочена греческимъ правительствомъ заявить, что извѣстіе, переданное по телеграфу изъ Салоникъ, будто германскій посланникъ былъ встрѣченъ въ Аѳинахъ съ оваціями въ день тезоименитства его величества короля, совершенно неточно. Десятокъ лицъ среди многочисленной публики, изъ личныхъ интересовъ и побужденій, вяло подняли свои шляпы, крича „браво", во время проѣзда персонала германской миссіи.

Интересно, какимъ путемъ устанавливалась степень вялости поднятія шляпъ?

358.000 рублей прибыли.

Задача на вычитаніе:

Выѣздной сессіей тифлисской судебной палаты бывшій потійскій городской голова Микеладзе, обвинявшійся въ полученіи подарка въ 358.000 р., приговоренъ къ штрафу въ 8.000 руб. или, при несостоятельности, къ 1 году тюрьмы.

Милыя дѣти! Кто знаетъ изъ васъ ариѳметику?

Задача: одинъ добрый городской голова получилъ „подарокъ" въ 358.000 рублей, за что его приговорили къ штрафу въ 8.000 рублей; спрашивается — сколько добрый городской голова заработалъ?

Подземный карась.

„Волго-Донскому Листку" пишутъ изъ станицы Кременской:

По разсказамъ станичниковъ-старожиловъ, близъ хутора Назарова болѣе 25 лѣтъ назадъ существовало озеро-лиманъ, которое изобиловало разной породы рыбой. Преобладалъ „карась". Впослѣдствіи лиманъ этотъ пересохъ и превратился въ обыкновенный лугъ, а а затѣмъ въ огороды и, наконецъ — сады.

Съ весны 1914 года, огороды и сады эти затопило водой, въ прошломъ 1915 году, уровень воды значительно поднялся, а, въ настоящемъ году, на мѣстѣ бывшихъ огородовъ и садовъ уже можно видѣть первобытное озеро-лиманъ, и, къ великому удивленію хуторянъ, въ немъ появилась рыба-карась и при томъ крупныхъ размѣровъ.

Спрашивается — гдѣ прятался этотъ хитрый карась въ то время, когда на мѣстѣ его родного озера были устроены огороды? Отвѣтъ одинъ: онъ искусно загримировался огороднымъ чучеломъ и стоялъ надъ капустой, ни въ комъ невозбуждая подозрѣній. А когда снова образовалось озеро — карась разгримировался и, какъ ни въ чемъ не бывало, нырнулъ въ воду.

Съ каждымъ годомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе жить на свѣтѣ.

А карасямъ — тѣмъ болѣе.

Рис. Ре-ми.

СЛОЖНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ.

Извозчика нанимаютъ...

На свалочномъ пунктѣ.

Когда кто-нибудь цитируетъ „Русское Знамя", такъ и хочется привести вольную цитату изъ Крылова:

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ навозное зерно.

Приведемъ два навозныхъ зерна изъ этой удивительной газеты:

Вотъ, если бы „правящіе круги" распорядились хорошенько выпороть всѣхъ этихъ политическихъ „равновѣшенниковъ", (сторонниковъ равновѣсія, блока) — такъ это была бы борьба настоящая! А пока орудія такой борьбы еще растутъ въ лѣсу на березѣ, такъ развѣ это борьба?...

Принципъ „по мордасамъ" авторъ проводитъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ мечтаетъ о томъ, кого, какъ и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ „рубить".

Начать слѣдуетъ, конечно, съ прогрессивной печати.

Рубить здѣсь тѣмъ удобнѣе, что она, вся поименно, преступница. Рубить, конечно, надо и здѣсь умѣючи. Первымъ ударомъ разъединенію Россіи должно быть устройство „безпрогрессивнаго мѣсяца". Запретить на мѣсяцъ выходъ въ свѣтъ всѣхъ прогрессивныхъ газетъ въ Россіи, не исключая Сибири. Въ городахъ, гдѣ отсутствуетъ правая печать, разрѣшить прогресивной печати лишь выпускъ агентскихъ телеграммъ. Выдачу содержанія безработнымъ сотрудникамъ и конторщикамъ возложить на издателей, а содержаніе наборщиковъ отнести на счетъ военнаго фонда: расходъ будетъ невеликъ.

Одинъ молодой человѣкъ разговорился въ обществѣ: онъ разсуждалъ о томъ, о семъ, глубокомысленно хмурилъ брови и, вообще, размахивалъ руками.

Нѣкто послушалъ его, послушалъ, да и говоритъ:

— Молодой человѣкъ! А вѣдь вы дуракъ!

— Э, чорртъ! — выругался молодой человѣкъ.

— Чего вы ругаетесь?

— Какъ же мнѣ не ругаться... Я думалъ, что это издали не замѣтно, а вы сразу замѣтили!

Тому молодому человѣку это обидно было.

А есть молодые человѣки, которымъ ничего не обидно.

Рис. А. Юнгера.

ЖЕНСКІЯ РАБОЧІЯ РУКИ.

— Вчера купилъ браслетъ за триста, сегодня два кольца по полтораста... Недаромъ газеты пишутъ, что женскія рабочія руки дѣлаются все дороже и дороже!..

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Омскій Вѣстникъ" сообщаетъ о присоединеніи къ православію 22 военно-плѣнныхъ славянъ — въ такихъ выраженіяхъ:

Среди новокрещенныхъ были чехи, поляки, руссины и одинъ хорватъ, остальные же — нижніе чины.

Одного нижняго чина спросили:

— Ты лютеранинъ или католикъ?

— Никакъ нѣтъ, мы пскопскіе.

Впрочемъ, этотъ нижній чинъ газеты не редактировалъ. Ему-то простительно.

*

Николай Асѣевъ (смиренно молимъ Господа Бога о дарованіи ему прощенія) выпустилъ книжку стиховъ подъ простымъ албанскимъ заглавіемъ:

— Ой конинъ данъ океинъ.

Въ переводѣ съ албанскаго (провинція Дураццо) это значитъ — „Лошадь въ океанѣ". Точный переводъ съ дураццкаго.

„Лошадь въ океанѣ" заключаетъ въ себѣ слѣдующіе, совсѣмъ не плохіе стихи:

Была страна какъ новый рой,
Курилась жизнь, какъ свѣжій улей;
Ребенокъ утренней порой
Игрался съ пролетавшей пулей.

Въ „игрѣ съ пулей" участвовалъ и самъ авторъ: онъ ее отливалъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА".

А. Петроградъ.

Куницыну. — Куницынъ пытается обременить русскую литературу такимъ произведеніемъ:

„— Чѣмъ можно замѣнить свѣтскія развлеченія: балетъ, скачки оперу?

— Одной только нуждой.

— Почему?

— Потому что нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ".

Плохо вы пишете, Куницынъ. И судя по другимъ вашимъ произведеніямъ — нѣтъ впереди просвѣта.

Б. Провинція.

Въ пространство. — Базилю. — Въ вашемъ творчествѣ мы съ горечью наблюдаемъ замѣтный парикмахерскій оттѣнокъ:

„Мѣсяцъ, какъ бритвою срѣзанъ,
Тихо повисъ...
Звѣзды разсыпались пудрой —
Смотрятся внизъ".

Вежеталь на волосы не прикажете? Одеколономъ все лицо, или гдѣ брито?

Подозрѣваемъ, что вы, Базиль, и на гитарѣ играете.

Гатчино. — Мирону К. — Миронъ даетъ своимъ стихамъ странное назначеніе:

„... а второе стихотвореніе объ „Лѣтнемъ садѣ" прошу пустить въ первую голову..."

Для этого у насъ есть болѣе тяжелые предметы.

Стихи ваши можете забрать, а еще лучше — не берите. Махните на нихъ рукой — пусть пропадаютъ.

Курскъ. — Зазѣ. — Не можемъ исполнить по техническимъ причинамъ.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ".**

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ **?**

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: **Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.**

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона" взимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

ПОСТАВЩИКЪ ВЕЛИЧЕСТВА
ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО

Т-ВО

„ТРЕУГОЛЬНИКЪ"

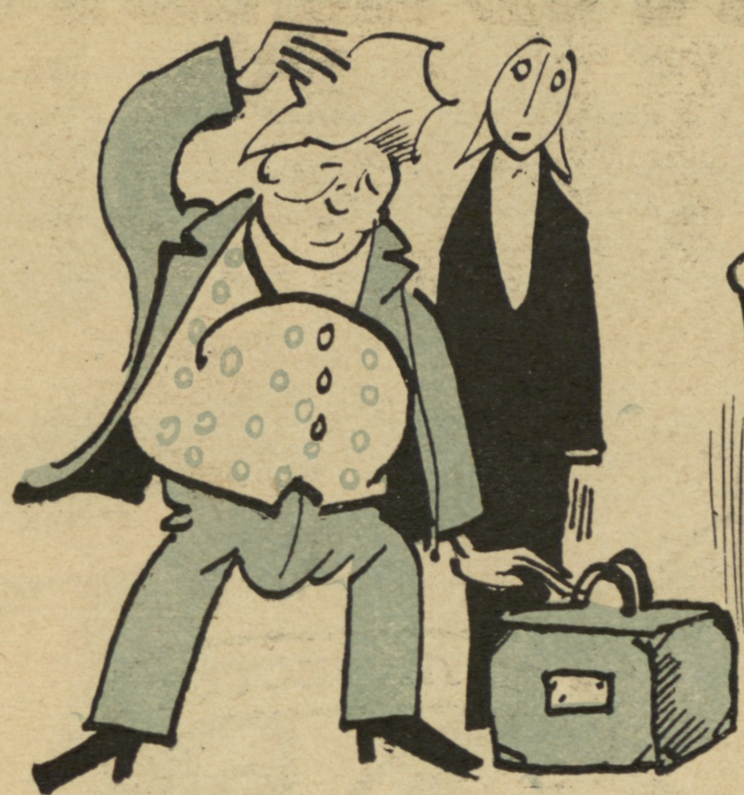
ИЗГОТОВЛЯЕТЪ ДЛЯ НУЖДЪ ЛАЗАРЕТОВЪ и БОЛЬНИЦЪ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЯ ХИРУРГИЧЕСКІЯ и др. ИЗДѢЛІЯ изъ РЕЗИНЫ, ЭБОНИТА, прорезиненной матеріи и проч.

Петроградъ
Екатерин. кан. 34

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе". Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.
Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 6 іюня 1916 г.

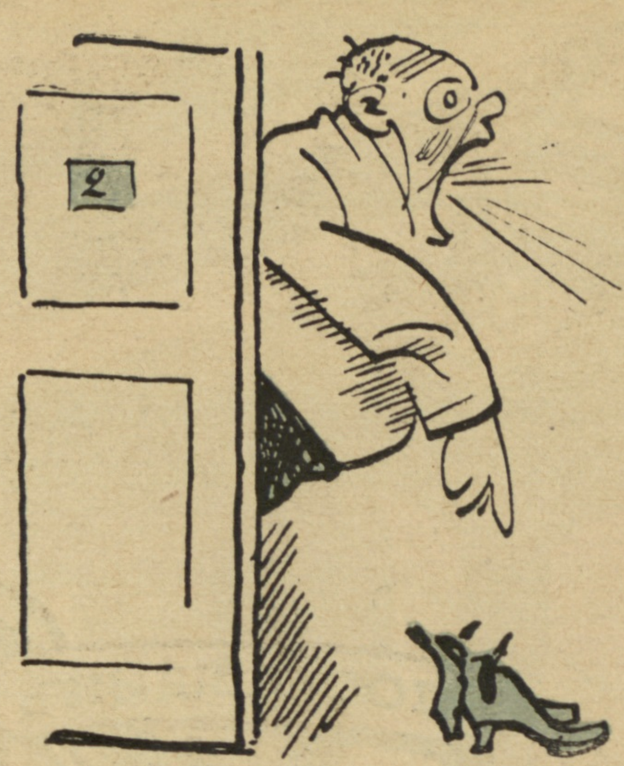
КУРОРТНАЯ ГОСТИНИЦА.

Рис. А. Радакова.

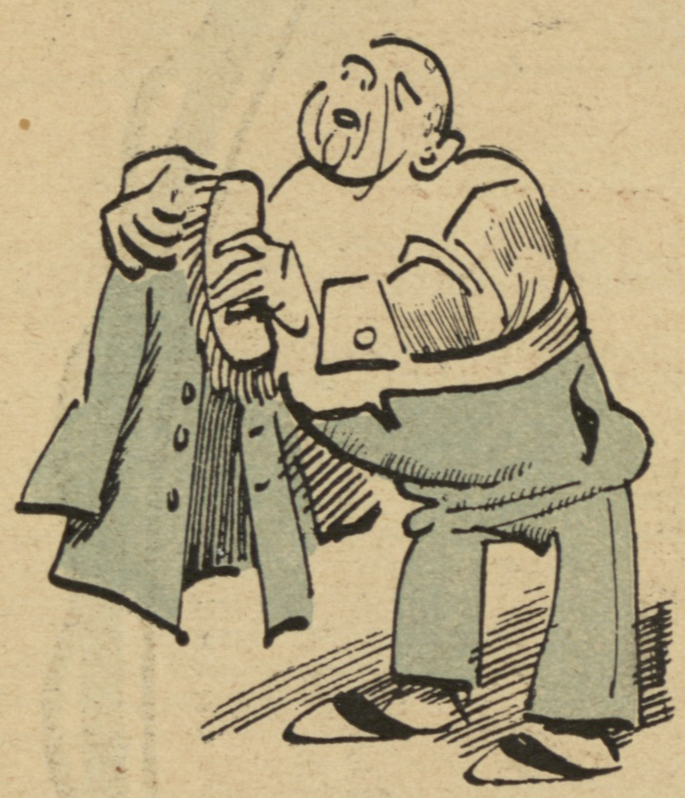


— Фф-у! Наконецъ-то я доѣхалъ... Теперь отдохну тутъ съ дороги...

— Эхъ... Воды нѣтъ... Человѣкъ! Го-о-орничная!! Гм! Никто не идетъ!..



— Чортъ возьми! Ботинки не вычищены... Человѣ-ѣ-ѣкъ!!! Чело-о-о...



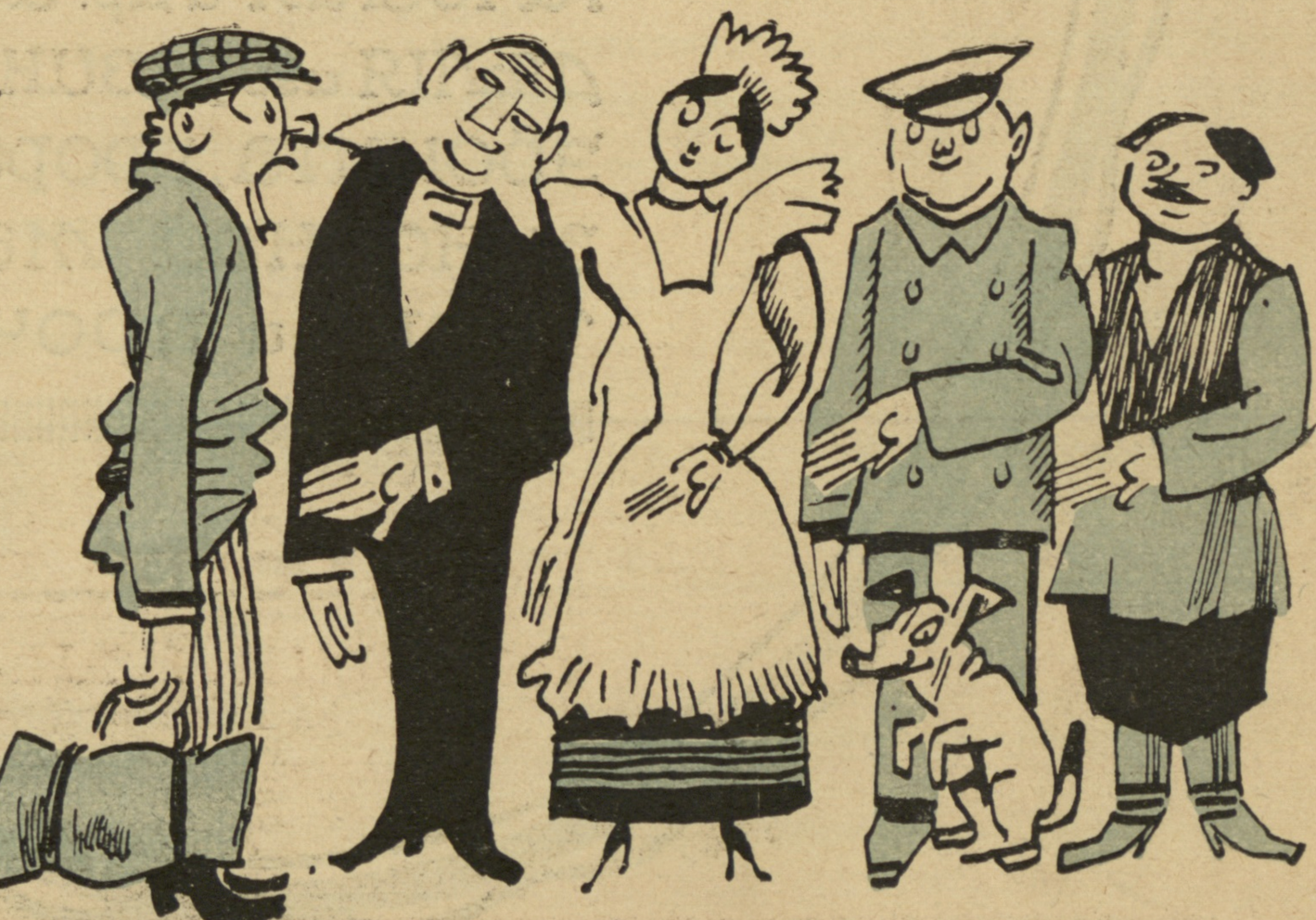
— Приходится самому чистить...

— Приходится самому подметать...

— Приходится самому все дѣлать...

— Уѣзжайте отсюда!.. Я нашелъ у васъ повышенную нервность и переутомленіе.

— Уѣду, что жъ...



Уѣзжаетъ...

— Что это за толпа здѣсь?

— Хе-хе... Служащіе. На чаекъ по случаю отъѣзда!..